

УДК 82-311.6:398

АКТУАЛИЗАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ И РЕШЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ В РОМАНЕ А.К. ТОЛСТОГО «КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ»

М.Н. Красникова

*ГОУ ВПО «Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского», г. Саратов*

Рецензент канд. филол. наук, доцент И.В. Пырклов

Ключевые слова и фразы: историсофская концепция; историческая деятельность масс; русский национальный характер; тип исторического повествования; фольклорная традиция.

Аннотация: Роман А.К. Толстого «Князь Серебряный» рассмотрен в тесной взаимосвязи с актуальной общественной проблематикой 1860-х годов. Исходя из особенностей историсофской концепции писателя, определена специфика обращения к фольклорной традиции и ее роль в раскрытии идейного замысла произведения. Обосновано соответствие эпической позиции повествователя самим способом раскрытия русского национального характера и интерпретации фольклорного материала в нем.

В переломную эпоху середины 1850–1860-х годов – «в разгар крупномасштабных исторических перемен и кардинальных переоценок русского пути» [1, с. 7] в общественно-литературной жизни России, как и в эпоху 1830-х, обостряется интерес к национальной истории и к собственно историческим жанрам.

Среди исторических романов, генетически связанных с традицией 1830-х – начала 1840-х годов, наибольшую известность получил роман

Красникова Мария Николаевна – аспирант кафедры русской классической литературы и методики преподавания Педагогического института; преподаватель филологических дисциплин Геологического колледжа, e-mail: krasnikova-m-n@ya.ru, ГОУ ВПО «СГУ им. Н.Г. Чернышевского», г. Саратов.

А.К. Толстого «Князь Серебряный» (1862 г.)¹. Современная критика увидела в этом произведении явление глубоко архаичное и по жанровой форме романа вальтер-скоттовского типа, уже, казалось бы, изжившей себя, и по идейному содержанию, во многом связанному с исторической концепцией Карамзина.

Тем не менее, есть основания считать, что роман А.К. Толстого и по проблематике, и по своим художественным особенностям не только представляет глубоко самобытное явление, но и порожден кризисной эпохой 1860-х ничуть не меньше, чем произведения писателей демократического лагеря. А.К. Толстой предложил свое, уходящее корнями в его историософскую позицию, решение общественных проблем, вставших перед страной в канун великих реформ. Обращение к роману «Князь Серебряный» в рамках нашей статьи ставит своей целью проследить новаторское использование фольклорной традиции и ее активное переосмысление, исходя из задач эпохи 1860-х годов и особенностей историософской концепции писателя.

В последние годы при изучении личности и творчества А.К. Толстого преобладает плодотворная тенденция отойти от предвзятых односторонних социологических подходов и рассмотреть мировоззрение писателя с точки зрения конкретно-исторических, во всей сложности его идейной позиции по отношению к западникам и славянофилам, с одной стороны, и к убеждениям революционеров-демократов, – с другой. Выводы, к которым пришли исследователи, имеют для нашей темы принципиальное значение, так как дают возможность по-новому оценить взаимосвязь историзма А.К. Толстого и особенностей его обращения к фольклору, в частности в жанре романа «Князь Серебряный».

Своеобразие позиции А.К. Толстого-историка, в отличие от славянофилов, например, состояло в том, что «идеалы его проецировались не в широко понимаемую допетровскую Русь, а, минуя деспотическую эпоху Ивана Грозного, во времена Киевской Руси и древнего Новгорода, которые для него сочетали в себе славянское начало с европеизмом» [2, с. 317]. При этом развитие деспотических форм правления на Руси А.К. Толстой связывал с укоренением татаро-монгольского ига, которое исказило исконный облик русского народа.

Особенности исторической концепции А.К. Толстого объясняют, почему ответы на острые вопросы современности писатель ищет, обращаясь к историческому прошлому России, – к эпохе русского средневековья и времени царствования Ивана Грозного.

Эпоха Ивана Грозного интересовала А.К. Толстого на всем протяжении его творчества: в лирико-эпических жанрах, в прозе, драматургии. В романе «Князь Серебряный» явно усматривается своеобразие подхода писателя к проблеме деспотизма, обусловленное временем сложных общественных перемен конца 1850-х – начала 1860-х годов. Так, драматиче-

¹ Роман А.К. Толстого «Князь Серебряный» имел длительную творческую историю. Его замысел относится к началу 1840-х годов, а возобновление активной работы над произведением исследователи датируют серединой 1850-х. Показательно, что завершен роман был в 1861 году, а уже в 1862 опубликован в «Русском вестнике» М.Н. Каткова.

ские противоречия русского общества XVI века и деятельность Ивана Грозного как собирателя русского государства интересуют А.К. Толстого по преимуществу в их исторических итогах. В проблеме деспотизма на первый план выходят вопросы национального единения русского народа и потенциальная способность народных масс к историческому творчеству в условиях многовекового угнетения. И здесь А.К. Толстого, как это не покажется на первый взгляд странным, волнуют те же «больные» вопросы времени, которые интересовали и писателей-демократов, и Некрасова, и Чернышевского в его знаменитой статье «Не начало ли перемены?» (1861 г.).

Широкое изображение исторической жизни общества – самых разных его слоев, и, в первую очередь, воссозданный А.К. Толстым собирательный образ русского народа, – обусловили и особый характер использования фольклора в произведении. В этой связи для нас первостепенное значение приобретает вопрос о жанровом генезисе романа «Князь Серебряный».

В решении данной проблемы исследователи не пришли к единому мнению. Долгое время в литературной науке было распространено убеждение, что «Князь Серебряный» принадлежит к роману вальтер-скоттовского типа, получившего распространение в русской литературе 1830-х годов. Из последних работ эта точка зрения наиболее последовательно реализована в кандидатской диссертации Е.И. Булушевой [3, с. 6].

Более глубокое вхождение в мировоззрение А.К. Толстого, отмечаемое в последнее время, внимание к особенностям его идейно-художественной позиции побудило литературоведов существенно пересмотреть заявленную точку зрения. Так, в ряде работ прозвучала мысль о необходимости дальнейших исследований, так как авторы не находят прямого соответствия произведения А.К. Толстого ни с одной из линий развития русского исторического романа: «Что же касается русской традиции исторического романа, то я полагаю, что сходство «Князя Серебряного» с романами Лажечникова, Загоскина, Полевого <... > и других формально» [4, с. 32].

Обращение к основным типам исторического повествования позволяет существенно уточнить эти оценки и прийти к заключению, что «Князь Серебряный», действительно, не соответствуя ни одному из типов исторического романа 1830-х по преимуществу, представляет в то же время самобытное усвоение различных повествовательных традиций. Предпринятый А.К. Толстым широкий синтез основных типологий связан со своеобразием художественного замысла романа. В условиях острых общественно-политических противоречий писателя в равной мере интересуют как проблемы личной ответственности человека за судьбы страны, так и анализ нравственного состояния всего народа и его способность к историческому самоопределению и самодеятельности.

Чтобы раскрыть своеобразие использования А.К. Толстым фольклорной традиции в «Князе Серебряном» в его взаимодействии с эпическими принципами исторического повествования, обратимся к образам вольных станичников и сюжету о покорении Сибири Ермаком. Именно в этих образах А.К. Толстой представил наиболее типичные, с его точки зрения,

стороны русского национального характера и творческий потенциал народных масс.

Особенности эпической позиции повествователя в романе обусловили тот факт, что в качестве предводителя станичников у А.К. Толстого выступает не только образ Ванюхи Перстня, но и образ старого атамана – «дедушки» Коршуна, с типами которых связываются различные стороны народного сознания и соответственно разные фольклорные традиции.

Ряд современных исследователей справедливо обратили внимание на то обстоятельство, что в народном сознании разделились, с одной стороны, образы «вольных людей» – «удальцов», а с другой, – разбойников, о которых также было сложено немало песен, но действия которых осуждались народом. Акимова Т.М. в связи с этим высказала мысль о необходимости выделять в составе народных песен песни разбойничьи и песни удалые и определила особенности поэтики последних как частной внутрижанровой разновидности: «В удалых песнях выражался народный порыв к воле «от тесноты и духоты на простор и приволье души», что было своеобразным протестом против порабощения человеческой личности» [5, с. 82]. Большинство образов станичников в романе и образ самого Ванюхи Перстня выражают именно эти стороны народной судьбы.

Стремясь подчеркнуть вольнолюбие русского человека, сохранившего свое нравственное достоинство в условиях деспотизма, А.К. Толстой включает в роман известную «удалую» песню «Не шуми мати, зеленая дубровушка». В романе он предложил свою интерпретацию этого известного фольклорного сюжета об общей доле людей незаурядных, сила души которых помогает им сохранять верность самим себе и раз избранному пути в любых испытаниях. Через эту исконно фольклорную ситуацию – встречу с царем «добра молодца» и «пытания правды» перед лицом возможной смерти – сам Ванюха Перстень согласно народной традиции проходит три раза.

Первое «испытание» – это разговор с царевичем после его спасения на Поганой луже, благодаря вмешательству станичников, когда молодой Иоанн предлагает атаману отказаться от разбоя и замолвить за него слово перед царем. Вторая сюжетная ситуация испытания связана с возможностью заслужить прощение царя вместе со всеми станичниками после их героической победы над татарами под Рязанью, под предводительством князя Серебряного. Своей идейной кульминации эта ситуация достигает в третьем эпизоде – в сцене свидания Ванюхи Перстня (теперь уже известного под именем Ивана Кольцо) с самим Иваном Грозным после завоевания Сибири в главе «Посольство Ермака».

Царь, узнав в Иване Кольцо того самого «сказочника», который пытался добыть в его опочивальне ключи от темницы, чтобы освободить Серебряного, устремил на «молодца» свой «проницательный, вопрошающий взгляд»: «Поведай мне только зачем ты, после рязанского дела, не захотел принести мне повинной вместе с другими ворами?» [6, с. 384]. И в мнимом покорном ответе Ивана Кольцо, что он тогда еще не заслужил его «милости», царь верно угадал стремление Перстня сохранить свободу, чтобы найти свое предназначение в жизни, достойное его душевных сил, смелости и отваги.

Другим представителем народной вольницы в романе становится образ Коршуна – старого атамана, так же как и Ванюха Перстень, пришедшего в подмосковные леса с Волги.

С этим образом в романе связано проявление иной, жестокой и кровавой, стороны русского разбоя и темных сторон народной души. В образе Коршуна трагические противоречия народного сознания раскрываются также с привлечением известной фольклорной традиции, но другого жанра – легенды о великом грешнике.

Толстой А.К., следуя народным представлениям, обращает внимание читателя на различное отражение и оценку темы разбоя в самом народном сознании. Две трактовки образа «станичника-разбойника» мы встречаем в диалоге Перстня и Коршуна, когда Перстень уговаривает старого атамана идти вместе с ним в Слободу, чтобы спасти князя от верной смерти.

Мы помним, что в начале романа князь Серебряный, случайно встретившись с опричниками и еще не зная о новых порядках, учрежденных Иваном Грозным пока он был с посольством в Литве, спасает, как впоследствии оказалось, Перстня и Коршуна от расправы.

Несколько позже теперь уже Перстень, провожая князя по дороге к Москве, защищает его с Михеичем от своих товарищей по разбою. Князь благодарит провожатых за услугу: «Коли придется нам когда встретиться, не забуду я, что долг платежем красен!» [6, с. 88].

Совершенно очевидно, что эта ситуация, данная в завязке романа и построенная на реализации известной пословицы, в дальнейшем организует все сюжетное действие и станет одной из сквозных фольклорных тем романа, раскрывая его основополагающую идею о национальной общности русских людей, уходящей своими корнями в домонгольскую, свободную Русь.

Глава, в которой Перстень принимает решение спасти Никиту Романовича из рук Малюты Скуратова, так и названа автором – «Русский человек добро помнит». И именно здесь А.К. Толстой развертывает перед читателем антогонизм таких понятий, как «вольные люди-удальцы» – и «разбойники-душегубы», сложившихся в народном сознании.

– А как бросим мы его, да как поведут его казнить, – тьфу! скажет, – чтой-то за люди были, воровать-разбойничать умеют, а добра-то не помнят! Только, скажет, кровь неповинную проливают, а христианина спасти не их дело! [6, с. 219].

Автор замечает, что атаман, видимо, знал за старым разбойником и такие дела, из-за которых не мог он и «Богу молиться». Но, как замечает А.К. Толстой, даже в сердце самого закоренелого преступника остаются «живые струны», и Перстень сумел их задеть.

На пути в Слободу Коршун рассказывает своему товарищу именно тот случай «душегубства» из своей жизни, которого одного он забыть не может, хотя «много у него крови на душе» – «смолоду полюбилась красная рубашка!» [6, с. 231].

Раскрывая в образе Коршуна не только поэтическую, но подчас и бессмысленно-жестокую сторону народной вольницы, А.К. Толстой строит

эту линию сюжета на реминисценциях из знаменитой фольклорной легенды о великом грешнике².

Современные исследователи отмечают, что изучение фольклорных источников этой народной легенды позволяет выделить два основных варианта финала. Многие легенды «не заканчиваются искупительным убийством – убийством другого, еще большего грешника. Герой заслуживает прощения грехов добрыми христианскими подвигами – усердными молитвами, постом и самоистязанием» [7, с. 87].

Показательно, что в историко-литературной перспективе уже в 1870-е годы Некрасов, обратившись к сюжету легенды о двух великих грешниках, связал его с идеей социальной несправедливости. Как известно, в поэме «Кому на Руси жить хорошо» легенду о разбойнике Кудеяре и пане Глуховском (глава «Пир на весь мир») рассказывает странник Иона Ляпушкин³.

В «Князе Серебряном» А.К. Толстой выбрал другой вариант финала и представил свою идейно-художественную интерпретацию фольклорного сюжета в соответствии с творческим замыслом романа и литературно-общественной полемикой 1860-х годов.

Лет двадцать тому назад Коршун ходил с шайкой атамана по прозвищу Данило Кот по Волге; разбивали суда, богатые пристани, а добычу делили поровну. Но «подбил» Коршуна «бес проклятый», нашептал ему, что «работает» он больше других, а «корысть идет <ему> со всеми ровная» [6, с. 232]. И решил он один пойти на промысел, а всю добычу взять на себя.

Долго не было Коршуну удачи в этом деле. Но вот встречается ему на дороге «баба убогая» с лукошком, которую он, несмотря на ее мольбы, убил, а лукошко забрал. Но в лукошке оказалась не богатая казна, а «малый ребенок, чуть живой». «Что же его было, няньчить, что ли? Что сделал? Вестимо что!» [6, 233].

Толстой А.К. переосмыслил фольклорный сюжет, лишив его религиозного раскаяния и смирения и связав мотив искупления грехов с проявлением деятельного добра и самопожертвования ради любви к ближнему. Так, Коршун решает помочь освободить князя и добыть ключи от темницы, хотя и не верит в счастливый исход дела.

В отличие от христианского варианта фольклорной легенды, в романе А.К. Толстого «великий грешник» возвращает себе человеческое имя – Емельян – и право заступничества перед богом не за религиозное смирение, а за то, что он закончил свою жизнь как истинный народный герой, добровольно приняв страдание ради другого человека.

² Изучению фольклорного сюжета о двух великих грешниках и его вариантов (около 50) посвящена специальная книга проф. Н.П. Андреева, опубликованная в 1924 году в Финляндии на немецком языке. Несколько позже итоговые результаты своего исследования Н.П. Андреев представил на русском языке: Андреев, Н.П. Легенда о двух великих грешниках // Изв. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. – 1928. – Вып. 1. – С. 185–198.

³ Время завершения работы над той частью поэмы «Пир на весь мир», куда вошла легенда, исследователи датируют 1876 годом. Гин М.М. устанавливает, что Некрасов в своем сюжете объединил две группы фольклорных источников: легенды о сильном разбойнике, державшем в страхе целые губернии, и легенды о двух великих грешниках [7, с. 92].

Особое значение приобретает тот факт, что в судьбе Коршуна намечена ситуация «встречи» двух великих грешников: самого разбойника и царя Ивана Грозного, который также пролил немало безвинной крови и в образе которого с исторической точностью воссозданы черты «злодея и душегуба». А.К. Толстому важно подчеркнуть, что, разоблаченный и схваченный в царских палатах Коршун не только не смиряется, но и одерживает моральную победу над царем-деспотом. На вопрос царя: «Кто подослал тебя? Кто твои товарищи?» – Коршун бесстрашно отвечает словами известной «бурлацкой» песни: «Надёжа, православный царь! Был я молод, певал я песню: «Не шуми, мати сыра-дуброва». В той ли песне царь спрашивает у добра молодца, с кем разбой держал? А молодец говорит: «Товарищей у меня было четверо: уж как первый мой товарищ черная ночь; а второй мой товарищ...» – Будет! – прервал его Малюта, – посмотрим, что ты запоешь, как станут тебя с дыбов рвать, на козел подымать!» [6, с. 247].

Эта знаменитая цитата из фольклорного произведения, спроецированная на судьбу Коршуна, призвана донести до читателя ту мысль, что вопреки жестоким условиям жизни, уродливым формам, которые подчас принимал народный протест, русский человек сохраняет способность к нравственному возрождению. Основы этого обновления А.К. Толстой видит в исконно русских, национальных понятиях о личной чести, о нравственном долге перед людьми, запечатленных в фольклоре и дошедших до нас через века.

Так, судьба Перстня и судьба Коршуна как типичных представителей разных сторон национального характера, воссозданного на основе различных фольклорных традиций, подготавливают центральную проблему, интересовавшую А.К. Толстого в его историческом романе. Сохранил ли русский народ в условиях жестокого деспотизма правления Ивана Грозного способность к историческому творчеству, к созидательному государственному строительству. Вопрос этот, как уже отмечалось, приобрел особую актуальность в 1860-е годы, а в самом романе связан с сюжетом о покорении Сибири Ермаком.

В финале романа читатель узнает Ванюху Перстня уже под именем Ивана Кольцо, известного сподвижника Ермака, который прибыл к царскому двору, возглавив казачье посольство, с известием о присоединении Сибирского ханства.

Чаще всего эпизоды покорения Сибири в романе связывают с историческим трудом Карамзина. Но образ Ермака широко известен и в народных исторических песнях, в которых также существует сюжет о покорении Ермаком Сибири [8]. Еще сборник Кирши Данилова включал в себя запись исторической песни «Ермак взял Сибирь» [9].

Толстой А.К. знал этот текст и мог воспользоваться им в своем романе. Именно текст Кирши Данилова представлял для А.К. Толстого несомненный интерес, так как он, по наблюдению фольклористов, – «единственный среди фольклорных записей, в котором столь большое место занимает тема сибирского похода». В других «известных исторических песнях о Ермаке о взятии Сибири лишь упоминается» [10, с. 438].

Роман завершается традиционной фольклорной темой пира, устроенного в палатах Бориса Годунова в честь казачьего посольства, где, подняв «золотую братину», Годунов бьет челом казакам, а в их лице Ермаку Ти-

мофеевичу от всего православного мира: «ото всех князей и бояр, ото всех торговых людей, ото всего люда русского! Приими ото всей земли великое челобитие, что сослужили вы ей службу великую!» [6, с. 386].

Таким образом, особенности использования фольклорной традиции в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный» находятся в тесной взаимосвязи с типологией исторического повествования этого произведения. Различные жанры фольклора А.К. Толстой привлекает как художественный способ анализа русского исторического характера во всей его эпической широте и многосторонности. Фольклорная традиция, вобравшая в себя многовековой опыт русского народа, в романе становится объективным способом постановки и решения острых общественно-политических и этических проблем современности. И в этом своем новаторском качестве как исторический критерий рассмотрения актуальных проблем современности фольклорная традиция в дальнейшем будет широко использована и получит свое развитие в произведениях русского искусства, главным образом в музыке и живописи 1860–1870-х годов.

Список литературы

1. Москвина, Т.В. Русская история в «Совестном суде» А.Н. Островского / Т.В. Москвина // Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский : драмат. хроника / А.Н. Островский. – СПб., 2007. – С. 5–44.
2. Иванова, Т.В. А.К. Толстой / Т.В. Иванова // Русская литература и фольклор (Вторая половина XIX в.) / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушк. дом) ; отв. ред. А.А. Горелов. – Л., 1982. – С. 286–321.
3. Булушева, Е.И. Фольклорные жанры в художественном повествовании романа А.К. Толстого «Князь Серебряный» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Е.И. Булушева. – Саратов, 1998. – 20 с.
4. Сазонова, З.Н. Роман А.К. Толстого «Князь Серебряный» в контексте времени / З.Н. Сазонова // Внутренний строй литературного произведения : сб. науч. ст. / Владимир. гос. пед. ун-т. – Владимир, 2001. – С. 26–34.
5. Акимова, Т.М. О фольклоризме русских писателей : сб. ст. / Т.М. Акимова; сост. и отв. ред. Ю.Н. Борисов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – 240 с.
6. Толстой, А.К. Собр. соч. В 4 т. Т. 2 / А.К. Толстой. – М. : Правда, 1980. – 399 с.
7. Гин, М.М. Спор о великом грешнике (некрасовская легенда «О двух великих грешниках» и ее источники) / М.М. Гин // Русский фольклор : материалы и исслед. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). – М. ; Л., 1962. – Вып. VII. – С. 84–97.
8. Позднякова, Е.Г. Художественное осмысление образа Ермака в исторических песнях и «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина / Е.Г. Позднякова // Дергачевские чтения – 2000 : Русская литература : национальное развитие и региональные особенности : в 2 ч. : материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 10–11 окт. 2000 г. / сост. А.В. Подчиненов. – Екатеринбург, 2001. – Ч. 1. – С. 318–324.

9. Горелов, А.А. Трилогия о Ермаке из сборника Кирши Данилова (полемические заметки) / А.А. Горелов // Русский фольклор : материалы и исслед. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). – М. ; Л., 1961. – Вып. VI. – С. 344–376.

10. Путилов, Б.Н. Комментарий / Б.Н. Путилов // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. – М., 1977. – С. 426–459.

**Realization of Folk Tradition
and Solution of Contemporary Historical Problems
in the Novel by A.K. Tolstoy “The Silver Knight”**

M.N. Krasnikova

Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

Key words and phrases: historiosofic concept; historical activity of the masses; the Russian national character; type of historical narrative mode; folk tradition.

Abstract: A.K. Tolstoy’s novel “The Silver Prince” is considered in close relation to urgent social issues 1860. Based on the characteristics historiosofic concept of the writer, the paper explains the need to appeal to the folk tradition and its role in the disclosure of ideological conception of the work. The conformity of epic narrator’s position to the way of the disclosure of the Russian national character and the interpretation of folklore material in it is justified.

© М.Н. Красникова, 2011